

Бенджамин Бернхайм: «Я стал свидетелем потрясающей солидарности между артистами» | Benjamin Bernheim : « Je suis témoin d'une solidarité exceptionnelle entre artistes »

Автор: Надежда Сикорская, [Цюрих](#) , 15.02.2023.

Лирический тенор Бенджамин Бернхайм Photo © Edouard Brane

Как «лемешистки» и «козловитянки» в прошлом веке, мы отправились на постановку «Евгения Онегина» в Оперном театре Цюриха, чтобы послушать в роли Ленского популярного франко-швейцарского тенора. Удалось не только послушать спектакль, но и побеседовать с артистом о многом наболевшем.

|

A l'instar des « fans » de Lemeshev et Kozlovsky en dernier siècle, nous nous sommes rendus à la représentation de « Eugène Onéguine » à l'Opernhaus Zürich surtout pour écouter ce ténor franco-suisse dans le rôle de Lenski. Nous sommes ravie d'avoir pu discuter avec lui plusieurs sujets qui nous préoccupent.

Benjamin Bernheim : « Je suis témoin d'une solidarité exceptionnelle entre artistes »

Любителям оперы не надо представлять нашего сегодняшнего гостя: немецкая газета Süddeutsche Zeitung назвала его голос «самым красивым тенором после Лучиано Паваротти» и французский журнал Diapason представил его как «новую звезду».

Бенджамин родился в 1985 году в Париже, учился играть на скрипке и фортепиано в Женеве, здесь же пел в детском хоре. В 2003 году поступил в Лозаннскую консерваторию в класс Гэри Магби. В 2007 году посещал Академию Карло Бергонци в Буссето, а на следующий год был принят в Оперную студию Оперного театра Цюриха, где с тех пор неоднократно выступал в ведущих партиях тенорового репертуара. За его плечами выступления на ведущих оперных сценах мира, расписание составлено на годы вперед... Мы рады, что Бенджамин Бернхайм нашел время для эксклюзивного интервью Нашей Газете.

Бенджамин, знали ли Вы, что 10 февраля, день, когда прошел первый показ спектакля «Евгений Онегин» с Вашим участием, это день смерти Пушкина?

Нет, не знал! Знал бы, обязательно сообщил бы об этом в Инстаграме, я люблю напоминать о подобных вещах. Спасибо, что подсказали!

А вообще Вы в курсе обстоятельств его смерти?

Признаться, в последнее время я больше интересовался другими персонажами русской истории, например, Екатериной Второй.

Напомню, он погиб на дуэли от руки француза, приревновав его к своей жене. Вы, француз, поете Ленского, которого многие считают персонажем, посредством которого Пушкин предсказал собственную судьбу. Читали ли Вы весь текст «Евгения Онегина» или только либретто?

Я пел Ленского много лет назад в Deutsche Oper Berlin [Мы проверили – это было в 2016 г. – Н.С.] и тогда много читал Пушкина и очень много обсуждал оперу с моими русскоязычными друзьями и коллегами из России, Грузии, Эстонии, Украины. Тогда же я работал над правильным русским произношением. Кто-то сказал мне, что единственно правильное произношение – петербургское. На что я возразил, что в любом французском городе считают, что именно там говорят на правильном французском. Из уважения к людям, владеющим русским языком, вопрос произношения был и остается для меня очень важным. Я считаю, что люди, поющие на французском, должны над ним поработать, а не просто фонетически выучить свою

партию. То же относится и к русскому. Но это было давно, с тех я Ленского не пел, так что что-то из текста подзабыл, конечно. А потому в декабре прошлого года достал все свои старые записи и снова принялся за работу – по либретто. Скажу Вам, я не доволен своим выступлением на премьере: запутался в тексте, неправильно произносил некоторые гласные... После спектакля я поговорил с пианисткой из Санкт-Петербурга, которая уверила меня, что для человека, не владеющего русским, все было не так плохо. Я стараюсь и работаю!

Я заметила только одно место, где Вы запутались, на словах: «Я приглашал Вас, но был отвергнут».

Совершенно верно! И когда я повернулся к суфлеру, то он дал мне понять, что уже поздно, и он ничем не может мне помочь.

Если не ошибаюсь, Ленский – Ваша первая и единственная роль из русского репертуара.

Это так. Несколько лет назад мне предложили спеть в «Пиковой даме», но я счел, что было рано. Может быть, когда-нибудь я еще спою эту партию.

Известно ли Вам, что в России существует четкое деление на лирических и драматических теноров. В золотые годы Большого театра тенор, которому поручалась партия Ленского, никогда не получил бы роль не только Хозе в «Кармен». Есть ли подобные негласные законы на Западе?

Да, я знаю о таком делении. Оно существует и в Европе, и мы, исполнители, постоянно с ним сталкиваемся, особенно в немецком репертуаре, в немецких театрах. Вы, конечно, знаете о немецкой системе Fach, что буквально означает «предмет», «ящик». Согласно этой системе, репертуар многих певцов порой определяется раз и навсегда, что представляет собой большую проблему, ведь голос – очень сложный «инструмент». С возрастом голос претерпевает изменения, достаточно привести в пример таких теноров, как Петр Бечала, Николай Гедда или Йонас Кауфман, которые за свою карьеру пели много разных Fach. Сегодня мы, певцы, стараемся противостоять такому четкому делению, иначе мы никогда не сможем осваивать новый репертуар. Лично я много пою Рудольфа в «Богеме», Де Грие в «Манон Леско» и меньше – Ленского, более низкую партию. Но это не значит, что я не могу ее петь.

Сегодня мы все поем в одном диапазоне – это «правило» ввел Адольф Гитлер накануне войны. До тех пор все было по-другому. Верди требовал стандарта высоты звука в 432 Гц, Пуччини хотел для своего «ля» 444 Гц. Сегодня в Вене Рудольфа поют на высоте 447 Гц, это очень высоко и не имеет ничего общего с тем, как эта партия была сочинена и какое ее исполнение предполагалось.

Любители жанра оперы делятся сегодня на тех, кто проявляют толерантность в отношении «осовременивания» классических произведений, и тех, кто категорически их не приемлет. Вы участвовали в постановках разных режиссеров, включая великого Франко Дзефирелли, так что Вам есть, с чем сравнивать. Комфортно ли Вам в постановке в цюрихской постановке Барри Коски, которая еще в 2017 году не слишком понравилась части русскоязычной публике Швейцарии?

Да, общаясь с моими русскоязычными знакомыми и с коллегами, много поющими в Большом театре или в Мариинском, я сделал вывод, что подобную транспозицию многие сочли чрезмерной. Причем речь идет не о декорациях, которые не шокируют, а о прочтении. В прочтении Барри Коски, Ленский потребляет много алкоголя и находится в состоянии опьянения. Вслед за ним начинает пить и Онегин. Понятно, что это не имеет отношения к оригиналу. Мой коллега [Игорь Головатенко, исполняющий партию Онегина – Н.С.] заметил, что его персонаж не находится под воздействием алкоголя, что не этим продиктованы его поступки. То же самое в «Травиате», когда Альфред приезжает к Флоре: во всех современных постановках он держит в руке бутылку или бокал вина, таким образом его поведение, взрыв его гнева объясняется алкоголем.

Но это же так примитивно!

Конечно! Но это стало расхожим приемом. Когда я пел Ленского в Deutsche Oper Berlin, мне тоже вложили в руку бутылку. Не будучи ни русским, ни знатоком этого репертуара, я не мог отказаться, однако выразил сомнение в том, что это необходимо. Мне казалось ясным, что Ленский вне себя от ярости, от ревности, без добавления к этому алкоголя. Постановки упомянутого Вами Дзефирелли были «come è scritto», то есть точно соответствовали авторскому замыслу и давали красивое, простое и доходчивое прочтение произведения. Сегодня мы живем в мире, где в моде «перепрочтение», «перепосещение», и многие режиссеры стремятся сделать что-то, обратное изначальному замыслу, или добавить что-то, чтобы было понятнее: нож, пистолет, бутылку спирта. Таков опыт работы со многими режиссерами, которые получили очень большую власть в западных оперных театрах. Под «западными» я имею в виду не американские театры, а именно европейские.

Имеют место шокирующие вещи. Мне довелось видеть на сцене порноартиста. Возвращаясь к нашей теме, постановка Барри Коски меня не шокирует, поскольку она пасторальная. Его прочтение в значительной степени концентрируется на внутреннем мире Татьяны, много находящейся на сцене, даже когда она не поет. Мы видим ее раздумья, и это очень интересно, потому что Екатерина Санникова – прекрасная актриса. Что касается Ленского, то я был очень удивлен отсутствием паузы между «Ах, Ольга, Ольга, прощай навек!» и сценой дуэли, разыгрываемой в тех же декорациях. Это было странно, но я постарался вложить в арию все эмоции, которые испытывает Ленский – молодой человек, побывавший в Европе, открывший для себя европейский романтизм, поэзию, неспособный выразить свои мысли и остающийся непонятым. Когда он признается в любви к Ольге, то словно добавляет, что момент еще не наступил. У Ленского такая красивая душа, честная, верная, прямолинейная. Мне кажется, что сценография не помешала мне раскрыть этот образ.

Меня лично шокировала пощечина Ольге! Как же может такой воспитанный молодой человек, поэт, романтик дать пощечину женщине?!

Я Вас прекрасно понимаю, и это стало темой обсуждения. Согласно изначальному плану, я должен был и Онегину врезать кулаком. Но это все же сочли перебором. Большая проблема сегодня состоит в том, что нас, певцов, приглашают за стол переговоров в самый последний момент. Режиссер предлагает свою концепцию театру заблаговременно, года за два. Ни один из будущих исполнителей на этой презентации не присутствует. Мы приезжаем к началу пяти-шестинедельного репетиционного периода, когда все уже решено. Мы не имеем права на участие в

дискуссии. Певец стал сегодня совершенно заменяемым, режиссеру нужен лишь артист, исполняющий его указания. Я – за обсуждение! Кроме того, реприза постановки, созданной несколько лет назад, с новым составом, – это уже другой спектакль, другая версия. Но никакой адаптации не происходит. Зависимость от режиссеров – одна из причин, в силу которой некоторые певцы, сделавшие карьеру, отказываются от участия в оперных постановках, предпочитая им концерты.

Считаете ли Вы, что любая опера может подвергаться осовремениванию, или все же есть произведения, которые лучше оставить в их классическом виде?

Мне кажется, что не надо возводить оперу в статус почти религии, это закрывает новые горизонты. Я пел «Богему» в новой постановке Клауса Гута в Парижской опере, действие происходило в космическом корабле, а Рудольф, Марсель, Коллен и Шонар были астронавтами. Это было очень трудное прочтение. Но! Визуально эта постановка выглядела очень поэтично, почти кинематографично, и многим понравилась. При этом в зале были люди, которые орали, что это позор. Некоторые узнавали меня на улице и стыдили. Стоит заметить, однако, что именно эта постановка привлекла в театр новую публику и дала ей возможность открыть для себя эту оперу. Такова реальность. Мне кажется, что уважение к композитору и исполнителю сегодня поправно, они, как и авторы литературных источников, стали второстепенными персонажами. Но правда и то, что за последние 60 лет не появилось композиторов, сочиняющих музыку, как великие мастера прошлого. Поэтому сегодняшние темы – атака на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке, войны, землетрясение в Турции – не «рассказываются» композиторами, пишущими для вокалистов. Вот мы и обречены вновь и вновь возвращаться к «старым произведениям», пусть и шедеврам.

Очень интересно! Но вернемся к нашему «Евгению Онегину». Мне показалось, что покрытие сцены искусственной травой не слишком удобно для исполнителей, один из которых чуть не упал. Это так?

Да, это так. Постановка спектакля, создание сценографии – это профессия. Великие постановщики знали, как делать сценографию, удобную для певцов, такую, которая способствовала «несению» голосов в зал. Сегодня этого нет. Искусственная трава поглощает голос.

В одном из зеленых холмиков явно скрывался суфлер. Удивительно, что эта профессия еще существует. Помогает ли он?

Многие режиссеры сегодня недовольны наличием на сцены суфлерской «будки», но суфлер – абсолютная необходимость в современном театре, где каждый вечер исполняется другой спектакль, часто на другом языке. Суфлер – это музыкант, это знаток языка.

Как здорово, что не все профессии пока заменяются искусственным интеллектом! Как всегда в Цюрихе, состав исполнителей в постановке «Евгения Онегина» – многонациональный. Евгений Онегин – россиянин Игорь Головатенко, Татьяна – родившаяся в Украине и учившаяся в Санкт-Петербурге Екатерина Санникова, Греммин – украинский бас Виталий Ковалев. Как складываются отношения? Как шли репетиции, ведь идет война, самая, увы, настоящая?

Я не почувствовал ни малейшего напряжения между моими коллегами. Будучи франко-швейцарцем, я не могу ничего указывать тем, чьи страны оказались вовлеченными в конфликт. Я могу лишь сопереживать им, поддерживать их и оплакивать вместе с ними человеческие и культурные потери. Уничтожаются жизни, уничтожаются театры, а с ними – история.

С самого начала войны я стал свидетелем потрясающей солидарности между всеми русскоязычными артистами, с которыми мне довелось встретиться в разных театрах Европы – из России, Грузии, Украины, Беларуси, Молдовы. Все они солидарны на фоне ужаса идущей войны. Каковы бы не были причины и объяснения, война – это когда люди убивают друг друга. И оправдания этому нет. Все встреченные мною артисты отдают себе отчет в ужасе происходящего и испытывают огромную боль, а российские артисты еще и стыд.

Я ставлю себя на их место. Вот завтра президент Макрон объявит войну, несправедливую войну, и меня попросят занять позицию. Я буду действовать осторожно, ведь у меня семья во Франции. Нельзя требовать от людей отказаться от своей страны, где остались их близкие, друзья, подвергающиеся опасности. Мне кажется, об этой реальности быстро забыли. Общественное мнение требует от таких исполнителей, как Абдразаков или Нетребко, заявлений, которые хотим слышать мы здесь, на Западе. Я считаю это недопустимым.

Я помню, как несколько назад мишенью движения #MeToo стал Пласидо Доминго. Люди угрожали оперным театрам срывом спектаклей. Представьте себе, как страшно артисту выйти на сцену и услышать выкрики «Вы монстр». Мы не для этого выходим на сцену. Сейчас вновь смешиваются понятия. Каким бы ни было прошлое Анны Нетребко, сегодня она – жертва. Вспомним, как еще совсем недавно все любители футбола в Европе радовались тому, что Газпром был одним из главных спонсоров Лиги чемпионов. Совсем недавно русские были нашими друзьями, но моментально перестали ими быть. Когда я узнал, что музыкальные конкурсы в Англии не допускают к участию российских пианистов, то сказал себе: проблему ищут не там! В моем мире, мире оперы, страдают мои украинские коллеги и страдают мои российские коллеги. Мой друг Андрей Бондаренко, с которым я пел и в «Богеме», и в «Евгении Онегине» - украинец, но он любит Чайковского. Я вырос во французской культуре, люблю ее и не смогу от нее отречься, если завтра какой-то политик сделает неправильный выбор.

Но закончим на позитивной ноте – на солидарности между артистами. В прошлом году в Цюрихском оперном театре я участвовал в концерте в пользу Украины, на сцену вышел хор, в котором есть и русские, и грузины, и армяне, и украинцы... Все они пели вместе, и это было настоящее послание мира, которое все мы стремимся распространить.

Увы, политика проникает в нашу жизнь, хотим мы этого или нет. Но вернемся все же к Вам и к музыке. Есть ли у Вас еще какие-то нереализованные мечты: партии, которые хотелось бы спеть?

Их много! Например, я бы очень хотел спеть Адорно в «Симоне Бокканегра» и Рикардо в «Бале-маскараде».

Искренне желаю Вам, чтобы мечты сбылись!

[Берн](#)

Статьи по теме

[«Евгений Онегин», или Сцены на траве](#)

Source URL:

<https://nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/bendzhamin-bernkhaym-ya-stal-svidete-lem-potryasayuschey-solidarnosti>